

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ:

«ЕДИНСТВЕННОЕ МОЕ ЖЕЛАНИЕ — НЕ ДАТЬ САТИРЕ ЗАГНУТЬСЯ»

В кино и на сцене ему подвластен любой образ, кроме, пожалуй, отрицательного героя. Подводит удивительное ширвиндтовское обаяние. И если он бабник, то такой симпатичный, что самые ревностные борцы за семейные устои готовы простить ему воспевание супружеской неверности. А его Феликс из «Еще раз про любовь» вроде бы сугубо негативный персонаж, но в интерпретации Ширвиндта вызывает щемящую жалость. Разве можно не любить милейшего Павлика из «Иронии судьбы»? А ведь всего-то он и сделал, что напился до беспамятства...

ИРОНИЯ СУДЬБЫ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

«Съемки у Тимура Бекмамбетова прошли в дружеской обстановке: собрались старой командой, вспомнили былые времена. А насчет «не сразу согласился» — это правда. Я долго сопротивлялся: мне сюжет показался странным, ведь в нем действуют дети Нади и Жени, внук Ипполита, мне это не очень понравилось. В общем, практически нас всех просто уговорили, кроме, по-моему, Лии Ахеджаковой. Из-за этого ее героиня и эмигрировала по сюжету в Израиль. А ведь могли и все эмигрировать...»

Ширвиндт родился в 1934 году в роддоме имени Грауэрмана. «Это знаменитый дом, который находился рядом с рестораном «Прага», где появились на свет Булат Окуджава, Марк Захаров, Андрей Миронов, Михаил Державин, другие знаменитости».

Детство Александра прошло в центре Москвы, в старом доме в Скертном переулке. Его мама Раиса Самойловна в молодости начинала как актриса МХАТа, но по состоянию здоровья была вынуждена оставить сцену и долгое время работала редактором в Московской филармонии, составляла программы концертов, в том числе и для правительства. Отец был музыкантом, скрипачом, играл в оркестре Большого театра, затем преподавал в музыкальной школе.

В дом Ширвиндтов часто приходили выдающиеся театральные деятели того времени: Яхонтов, Флиер, Журавлев, Качалов, Плятт, Зеленая, Утесов. «Через маму проходили все артисты, которые сотрудничали с концертными организациями в Москве. У нас в доме собирались прекрасные мастера. Многие из них проверяли на маме свои программы. Помню, когда мне было года четыре, Яхонтов приходил к маме читать новую программу. Он сажал меня на колени, и я в течение полтора часов слушал совершенно для себя непонятный, бредовый текст. А он брал меня за руки, чтобы не жестикулировать и добиваться выразительности только словом. Так что в становлении Яхонтова я сыграл как тело очень большую роль».

Уже в школе Саша играл в самодеятельном театре. В 1952 году он поступил в Театральное училище им. Б.В. Шукина. А через год началось знаменитое «дело врачей». Конечно, к врачам студент Ширвиндт не относился, но фамилия сыграла роль. Его выгоняли из института. К счастью, обошлось.

Свою жизнь в искусстве Ширвиндт начал как простой русский мужик в спектакле Театра им. Гоголя по пьесе Салынского. Целый акт ему надо было лежать в валенках в избе на печи, а потом произносить всего одну реплику: «Пошто, мужики, зазря по степу мыкаемся?».

«Хотя зал замирал от неожиданности, но, к сожалению, ничего, близкого по силе выражения глубины народного чувства, драматургия потом мне не предлагала. Иногда, правда, давали сыграть роли меньшевиков. Особенно в застойные годы. Кто-то наверху решил, что типичный меньшевик — это я в пенсне. Большевика разрешили сыграть только один раз, в фильме Карасика, и то — в гробу! А еще я наиграл бесчисленное количество иностранцев: француз, итальянца и, конечно, англичанина с трубкой во рту».

ВСЕГДА БЫТЬ В МАСКЕ — МОЙ УДЕЛ

В театральные круги у Александра Ширвиндта прозвище — Маска. Приклеилось оно к нему уже давно, когда на сцене только начинали блистать такие мастера, как Анатолий Папанов и Андрей Миронов. Причем последние не всегда могли держать серьезное выражение лица, если зал ухохотывался над их шутками. А Ширвиндт мог, никогда не терял самообладания, не снимал пресловутой маски.

В театре Ширвиндт с 1956 года. Сначала это был Ленком, затем он перешел в театр на Малой Бронной, а в 1970 году — в Театр сатиры, худруком которого и стал в 2000 году.

«...Ситуация сложилась так, что дальше нельзя было откладывать решение накопившихся вопросов. Приперло. Плучеку (с 1957 года главный режиссер Театра сатиры. — Прим. ред.) 91 год, в театр он не ходит, в общем, стали мы потихоньку тонуть. Кто спасет? Передо мной стояла дилемма: или уходить из театра в спокойную и сытую (относительно, конечно) антрепризную жизнь, или зажмуриться, попробовать договориться и продержаться здесь. Амбиций у меня нет. Единственное мое желание — не дать Сатире загнаться».

И Ширвиндт старается. Правда, неслыханных революций — кадровых или творческих — совершать не собирается. «Мы на плаву, народ к нам ходит. Но тем не менее нужна настоящая, неожиданная режиссура. Не эта вот новая волна. Может, она и замечательная, но я ее физиологически не очень воспринимаю. Нужны молодые неординарные авторы. В день к нам приносят по 10—15 пьес. Из них 150 процентов — чистая графомания или жуть. Можно сойти с ума. А не читать нельзя: вдруг Горин где-нибудь в захолустье сидит. Но пока его что-то не видно. С героями у нас проблемы, Мироновых нет... Но их не только у нас нет».

Акторов своего театра Шир-

виндт обожает. Хотя и прибегает иногда к крепким выражениям, когда они отпрашиваются на «подработку» в рекламе или сериалах. («У нас в труппе человек 30. Они все любимы, но постоянно просят: «Отец родной, ничего не могу сделать, пусти сниматься!» Я начинаю орать, что они предают родной дом, но поделаться ничего не могу: они за половину съемочного дня получают в два раза больше, чем в месяц в театре»).

Вообще, мат часто звучит из его уст, хотя, по мнению слышавших, даже матерится Александр Анатольевич артистично. «Я славлюсь как очень опытный, крупный и классический матерщинник. Даже говорят: «Если материтесь, то — как Ширвиндт, потому что он делает это артистично». Я всегда говорю, что не ругаюсь, а разговариваю на родном языке. Поэтому, где бы я ни был, если чужая компания, я присматриваюсь, начну тихонечко с ж... посмотрю на реакцию: если проскочило, то пошло-поехало. И это везде».

Что же касается его самого, то в «мыло» он не хочет из-за низкого качества, а в рекламу — из самоуважения. Хотя предложения более чем щедрые...

С 24 лет Александр Ширвиндт преподает в Щукинском училище. Среди его учеников — Андрей Миронов, Наталья Гундарева, Алла Демидова, Александр Пороховщиков, Леонид Ярмольник...

«Вот недавно у нас был вечер встречи, и там я с жуткой грустью выяснил, что после Владимира Этуша я самый старый педагог в училище».

Помню, как-то, когда я зани-

Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична, как автор и режиссер он работал с Тарапунькой и Штепселем, Мировым и Новицким, Леонидом Утесовым, Владимиром Винокуром, Ильей Олейниковым. А дуэт Ширвиндт — Державин вообще стал классикой жанра, породив массу анекдотов, что свидетельствует о сверхпопулярности. Самый известный из них: афиша в провинциальном городе «Выступают Ширвин и Дарвин».

ИЗВЕСТНЫЙ БАБНИК И СЕМЬЯНИН

Ширвиндт — прекрасный семьянин. С супругой Натальей Николаевной он в браке более 50 лет. И это невзирая на стойкий экранный образ бабника. «Жена моя — известный архитектор. Много строила, плотно работала, мои занятия ее никогда особенно не интересовали. Она и до сих пор, так сказать, не очень точно знает, в каком театре я работаю. Я утрирую, но тем не менее».

У Ширвиндта забавные привычки. Например, когда номер на автомобилях были четырехзначные, он суммировал правую и левую части. Если в сумме выпадало 100 (например, 42—58 или 67—33), он верил, что день будет удачным. Особой удачей считалось сочетание 50—50, оно гарантировало успех. В случае недобора мог и на работу не поехать. Хотя разве кто-нибудь это проверял?

Из гастрономических пристрастий — вареный лук. «От меня можно ждать всего или... ничего. Что ни говори, а я выбрал себе очень удобное хобби — конкурентов нет. Несут много и охотно, при этом даже как бы возвышаясь в собственных глазах: ну еще бы, народному артисту подкармлили, обеспечили едой! Можно было выкинуть луковицу в помойное ведро, а так вроде совершил благородный поступок. Я реально вижу весь процесс: хозяйка варит щи, вылавливает из кастрюли скользкий круляш, подносит его к ведру и тут вспоминает, что в третьем подъезде живет сумасшедший, который кушает эту мерзость. Кладет лук на блюдечко и несет мне. Съедаю только самый отборный. Предварительно проверяю: а вдруг обо мне поздно вспомнили и выковыряли луковицу уже из ведра? Наверное, я единственный такой на всю страну. Хотя нет, как-то мне попала родственная душа — значит, двое нас...».